

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-8-23>

УДК 340

Attribution

cc by

ЗАРУБЕЖНЫЕ ПРАВОВЫЕ МОДЕЛИ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВОМ
ГРАЖДАНСКОЙ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ

Белкин С.Я.

Российский государственный университет правосудия им. В.М.Лебедева

Аннотация. В условиях трансформации правового регулирования актуально исследование зарубежных подходов к гражданской правосубъектности государства. Двойственная природа государства (носитель власти и участник частноправовых отношений) требует сравнительно-правового анализа. Цель – выявить основные модели участия публично-правовых образований в гражданском обороте в Германии, Франции, Испании, США и Великобритании, определить их общие и отличительные черты. Задачи: характеристика деликтной модели (Германия, англо-американское право); анализ объективной модели (Испания); изучение международно-правовых аспектов в условиях цифровизации; выявление тенденций гармонизации. Методы: сравнительно-правовой, формально-юридический, системный анализ, обобщение судебной практики и доктрины. Результаты: в зарубежных правовых порядках сложились две модели – деликтная (применение общих норм гражданского права) и объективная (имущественная гарантия пострадавшему, без учёта вины). Англо-американская модель базируется на доктрине «иммунитета суверена», но допускает исключения по разрешающим статутам. В условиях цифровой экономики традиционные модели сталкиваются с новыми вызовами. Выводы: перспективно формирование единого подхода к ответственности государства за действия его агентов, сочетающего публично-правовую природу государства и защиту прав частных лиц.

Ключевые слова: гражданская правосубъектность государства, деликтная ответственность, объективная ответственность, иммунитет суверена, публично-правовые образования, зарубежные правовые модели.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

FOREIGN LEGAL MODELS OF IMPLEMENTATION
OF CIVIL LEGAL PERSONALITY BY THE STATE

Simeon Ya. Belkin

Russian State University of Justice named after V.M.Lebedev

Abstract. In the context of ongoing legal transformation, the study of foreign approaches to the civil legal personality of the state is of particular relevance. The dual nature of the state – acting both as a public authority and a participant in private law relations – necessitates a comparative legal analysis. The aim is to identify the main models of participation of public legal entities in civil circulation in Germany, France, Spain, the USA, and the UK, and to determine their common and distinctive features. The objectives include: characterising the tort liability model (Germany and Anglo-American law); analysing the objective liability model (Spain); examining international legal aspects in the context of digitalisation; and identifying trends towards harmonisation. The methodology is based on comparative legal and formal legal methods, system analysis, and generalisation of judicial practice and doctrinal sources. The findings reveal that two primary models have emerged in foreign legal systems: the tort model (application of general civil law rules) and the objective model (property guarantee to the injured party, irrespective of fault). The Anglo-American model is historically grounded in the doctrine of sovereign immunity, though it provides for exceptions under permissive statutes. In the digital economy, traditional models face new challenges. The conclusions suggest that a promising direction is the development of a unified approach to state liability for the acts of its agents, balancing the public-law nature of the state with the protection of private parties' rights.

Keywords: civil legal personality of the state, tort liability, objective liability, sovereign immunity, public legal entities, foreign legal models.

Funding: Independent work.

Введение

Проблема реализации государством гражданской правосубъектности представляет собой одну из наиболее сложных и дискуссионных тем в современной юридической науке. Двойственная природа государства, выступающего одновременно в качестве суверена, обладающего властными полномочиями, и участника гражданских правоотношений, создает значительные теоретические и практические сложности при

определении правового статуса публично-правовых образований в частноправовой сфере.

Как справедливо отмечает И.С. Богданова, двойственность правового статуса публично-правовых образований исторически признается за государством, однако в современной доктрине предлагаются различные интерпретации этого феномена в контексте установления отраслевого статуса публичного суверена [3, с. 1806]. В связи с этим представляется актуальным исследование зарубежных правовых моделей реализации

государством гражданской правосубъектности, что позволит выявить основные подходы к решению данной проблемы в различных правовых порядках.

Гражданская правосубъектность, как указывает Л.А. Чеговадзе, представляет собой особое свойство субъектов, символизирующее связь лица и государства, а с юридической стороны — форму тех возможностей, которыми государство наделяет своих граждан и создаваемые ими организации [9, с. 9]. Применительно к государству, его правосубъектность приобретает специфические черты, обусловленные сочетанием публично-властных и частноправовых начал. В российской доктрине, как отмечает В.Ф. Попондопуло, ряд проблем правосубъектности все еще остаются дискуссионными, включая вопросы соотношения правосубъектности с понятием компетенции, что особенно актуально при анализе участия государства в гражданском обороте [8, с. 67]. Зарубежные правовые системы предлагают различные модели решения этих проблем, представляющие значительный интерес для сравнительно-правового анализа.

Результаты

В германской правовой системе реализация гражданской правосубъектности государства основывается на четком разграничении публично-правовой и частноправовой сфер деятельности. Как подчеркивает И.С. Богданова, в соответствии со статьей 34 Основного закона ФРГ и параграфом 839 Германского гражданского уложения, ответственность государства за вред, причиненный частным субъектам его агентами, наступает только за неправомерные действия последних при отсутствии оснований для ограничения ответственности [3, с. 1807].

Особенностью германского подхода выступает наличие института приватизации публичных функций, т. е. осуществление государственными органами своих задач через частноправовой орган. Государство же остается независимым субъектом данной деятельности [3, с. 1811]. Вне зависимости от формы организации управления государством оно несет ответственность за частных лиц, чьи публичные интересы реализуются данным управлением. Вместо обязанности прямого исполнения возлагается обязанность обеспечения правильного осуществления данных обязанностей [3, с. 1812].

В.П. Емельянец отмечает, что в германском законодательстве активно обсуждается вопрос о необходимости разработки соответствующего цифрового кодекса, а также совершенствования законодательства о контроле за слияниями компаний [6, с. 43]. Это свидетельствует о стремлении германского законодателя адаптировать традиционную модель реализации государственной правосубъектности к современным условиям цифровой экономики.

Французская правовая система традиционно характеризуется высокой степенью централизации государственной власти, что находит отражение и в модели реализации государственной правосубъектности. основополагающим принципом здесь выступает

концепция публичной службы, которая определяет основания и пределы участия государства в гражданских правоотношениях.

В отличие от германского подхода, во французском праве более четко разграничиваются административные и судебные юрисдикции, при этом споры с участием государства по вопросам реализации его правосубъектности в публичной сфере рассматриваются административными судами. Это отражает фундаментальное различие в понимании природы государственной правосубъектности: во Франции она рассматривается преимущественно через призму публичного права, тогда как в Германии акцент делается на частноправовом регулировании [9, с. 9]. Применительно к государству, во французской модели эта способность реализуется через специально уполномоченные органы и должностные лица, действующие в строго определенных законом пределах.

Испанская модель, которая строится на принципе объективной ответственности государства, привлекает особое внимание. Как отмечает И.С. Богданова, в испанском праве особую актуальность приобретает принцип невозможности применения норм гражданского законодательства к вопросу об ответственности государства за ущерб, причиненный имуществу или правам граждан, нанесенными действиями государственных и муниципальных органов [3, с. 1809]. Таким образом, это отражает особую особенность отношения к ответственности государства в Испании. Особое место в этой модели занимает категория вреда — без него не возникает права на компенсацию. Под вредом понимается противоправное повреждение, совершаемое любым способом (даже легальным), ведь собственник имущества либо прав ни при каких обстоятельствах должен терпеть убытки. Такая ответственность основана на принципе обеспечения имущественной компенсации потерпевшему и не зависит от вины [3, с. 1809]. Если в модели ответственности акцентировано внимание на определении легитимности деятельности госорганов (должностных лиц), то в испанской модели — на причиненном вреде.

Долгое время в англосаксонской юрисдикции действовала доктрина «иммунитет суверена», согласно которой было невозможно предъявить иск государству без получения от него согласия на это. Такая практика приводила к тому, что государства практически не привлекались к гражданско-правовой ответственности по мотивам действий своих служащих.

Как подчеркивает И.С. Богданова, современное английское право предусматривает ответственность государства в деликтном порядке за проступки, совершенные его служащими и должностными лицами при исполнении ими своих функций [3, с. 1808]. Иная картина складывается в правовой системе США: здесь подача исковых заявлений к Соединенным Штатам либо к их структурным подразделениям о взыскании денежных сумм в счет возмещения ущерба в общем порядке блокируется доктриной суверенного иммунитета. Исключения представляют случаи, специально

предусмотренные законами – Закон о деликтах в федеральных судах 1946 года; закон Такера от 1855 года по которым такие заявления являются возможными.

Отдельный режим установлен для требований о компенсации вреда, причиненного в результате нарушения органами штатов федерального законодательства. В силу одиннадцатой поправки к Конституции США на штаты распространяется иммунитет от исков, предъявляемых к ним в федеральных судах, за исключением требований о понуждении к реализации прав, закрепленных Федеральной конституцией.

Заслуживает внимания и тот факт, что американская правовая модель допускает предъявление исков к должностным лицам административных ведомств в связи с совершением ими недобросовестных противоправных деяний. По таким искам с указанных лиц может быть взыскана денежная компенсация за счет их личных средств. При этом, в подобных обстоятельствах публично-правовое образование ответственности за действия своих должностных лиц не несет [3, с. 1808].

Развитие цифровых технологий и формирование глобального киберпространства привносят новые аспекты в понимание правосубъектности государства на международной арене. Как обращает внимание Г.В. Алексеев, в условиях киберпространства пересечение государственной юрисдикции и виртуальной компетенции неправительственных структур происходит на цифровых платформах, функционирующих в соответствии с правилами, которые устанавливаются разработчиками в программных документах [1, с. 149].

Процессы глобализации способствовали тому, что как общие, так и специальные принципы международного права стали выполнять роль самостоятельного регулятора транснациональных отношений. Особую роль в реализации государством своей правосубъектности на международной арене играет концепция цифрового суверенитета. В.П. Емельянец отмечает, что в условиях цифровизации экономики возникает проблема идентификации субъекта правоотношений, а с развитием цифровых технологий многие коммуникативные возможности человека могут повторяться с помощью аппаратных средств [6, с. 39]. Это создает новые вызовы для правового регулирования участия государства в гражданских правоотношениях, особенно в трансграничном контексте.

П.Н. Астапенко, проводя сравнительный анализ правового регулирования искусственного интеллекта, показывает, что во всех рассматриваемых юрисдикциях ИИ не наделяется статусом самостоятельного юридического лица, а законодатели исходят из того, что ИИ не может нести обязанности или быть носителем прав. Субъектами ответственности остаются люди и организации, создающие и применяющие ИИ [2, с. 49]. Это подтверждает общую тенденцию, согласно которой государство сохраняет контроль над ключевыми аспектами реализации своей правосубъектности даже в условиях технологической трансформации.

Обсуждение

Проведенный сравнительный анализ зарубежных правовых моделей реализации государством гражданской правосубъектности позволяет выявить несколько ключевых тенденций и закономерностей.

Во-первых, несмотря на существенные различия в подходах, все рассмотренные правовые порядки исходят из признания за государством особого правового статуса, отличного от статуса частных лиц. Как отмечает Е.А. Останина, субъект — это свободная воля, и этот тезис исторически повлиял на создание категории правосубъектности, однако применительно к государству свобода воли ограничена его публично-правовой природой [7, с. 60]. Свобода воли имеет юридическое значение для всех составляющих правосубъектности, включая и государственную.

Во-вторых, во всех рассмотренных моделях присутствует механизм ограничения ответственности государства, который может выражаться в различных формах: от доктрины иммунитета суверена в англо-американском праве до института приватизации публичных функций в германском праве. Это отражает объективную необходимость балансирования между защитой прав частных лиц и обеспечением эффективного функционирования государственного аппарата.

В-третьих, наблюдается тенденция к расширению круга лиц, действующих от имени государства и реализующих его правосубъектность. В германской модели, как было показано, это достигается через широкое толкование понятия должностного лица, включающего как государственных служащих, так и частных лиц, которым делегированы определенные государственные функции. В испанской модели аналогичный эффект достигается через категорию «нормального функционирования публичных служб». Государство не наделяет частных лиц правосубъектностью, а признает ее за ними с известными ограничениями, установленными законом, в целях обеспечения правопорядка [8, с. 75].

Анализ международно-правовых аспектов показывает, что в условиях глобализации и цифровизации традиционная парадигма государственной правосубъектности претерпевает существенные изменения. Г.В. Алексеев отмечает, что притязания государств на цифровой суверенитет и универсальную юрисдикцию в киберпространстве создают угрозы целостности Сети и порождают эмерджентные технические правозащитные инициативы гражданского общества [1, с. 151]. Это требует переосмысления традиционных подходов к реализации государством своей правосубъектности в цифровой среде.

Особого внимания заслуживает проблема ответственности государства за действия его агентов в цифровой среде. В.П. Емельянец подчеркивает, что активное внедрение цифровых платформ проходит в различных сферах экономической деятельности, включая транспорт, сельское хозяйство и промышленность, что создает новые вызовы для правового регулирования [6, с. 46]. Зарубежные модели предлагают различные подходы к решению этой проблемы, от распространения деликтной ответственности на действия

частных лиц, выполняющих государственные функции (Германия), до объективной ответственности государства независимо от вины его агентов (Испания).

А.С. Глухова, Э.Р. Мосина и С.В. Старцева, анализируя понятие субъектов гражданского права, отмечают, что в настоящее время происходит усложнение системы субъектов гражданского права в связи с формированием новой категории лиц — обладателей правосубъектности [4, с. 90]. Применительно к государству это проявляется в появлении новых форм его участия в гражданском обороте.

Как отмечает К.Д. Грезева, в международном праве до настоящего времени не сформировалось единообразного подхода к определению правового статуса физических лиц. Отечественная доктрина склонна трактовать индивида преимущественно в качестве пользователя, тогда как полноправным субъектом международного права он в российской науке, как правило, не признается. Данное утверждение значительно отличается от того, что принято понимать под европейской правовой доктриной о личности [5, с. 58]. Аналогичный плюрализм подходов наблюдается и в отношении правосубъектности государства: различные правовые системы предлагают различные модели его участия в частноправовых отношениях.

Заключение

Проведенный анализ зарубежных правовых моделей реализации государством гражданской право-

субъектности позволяет сделать ряд обобщающих выводов. Все рассмотренные правовые порядки признают необходимость специального правового регулирования участия государства в гражданских правоотношениях, что обусловлено двойственной природой государства как публично-властного образования, одновременно выступающего субъектом частного права. Основная проблема заключается в поиске оптимального баланса между обеспечением эффективного функционирования государства и защитой прав частных лиц, вступающих с ним в правоотношения. Можно говорить о следующих моделях реализации гражданской правосубъектности государством — это модель деликтной ответственности (Германия, Англо-Американская система) и модель объективной ответственности (Испания). У каждой модели есть преимущества и недостатки, какой моделью пользоваться зависит от истории страны, ее правового порядка, политико-правовой культуры. Сегодня наблюдается тенденция к гармонизации подходов к регулированию государственной правосубъектности в рамках международного права, особенно в сферах защиты прав человека и цифровой экономики. Это проявляется в расширении круга лиц, действующих от имени государства, усилении контроля за его деятельностью в частноправовой сфере и развитии механизмов ответственности государства за вред, причиненный его агентами.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Список источников:

1. Алексеев Г. В. Международно-правовые принципы и форматы взаимодействия государств и неправительственных организаций в киберпространстве // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. - 2025. - №. 3. - С. 147-167. DOI: 10.55959/MSU0130-0113-11-66-3-9 EDN: SSIHPG
2. Астапенко П. Н. Сравнительный анализ правового регулирования искусственного интеллекта в России, Китае, США и Европейском союзе // Закон и право. - 2025. - №. 6. - С. 47-54. DOI: 10.24412/2073-3313-2025-6-47-54 EDN: CKLDFC
3. Богданова И. С. Правовая модель возмещения (компенсации) вреда, причиненного государством: российский и зарубежный опыт // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. - 2022. - Т. 15. - №. 12. - С. 1805-1818. DOI: 10.17516/1997-1370-0954 EDN: PTJCEQ
4. Глухова А. С., Мосина Э. Р., Старцева С. В. Понятие и виды субъектов гражданского права // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. - 2026. - №. 1-2 (112). - С. 87-92. DOI: 10.24412/2500-1000-2026-1-2-87-92 EDN: ADYZSL
5. Грезева К. Д. Проблематика определения правосубъектности физических лиц в международном праве // Наука сегодня: актуальные вопросы теории и практики. - 2025. - С. 56-63. EDN: RTOLQO
6. Емельянцева В. П. Цифровизация экономики и ее влияние на реновацию институтов гражданского права // Журнал российского права. - 2021. - Т. 25. - №. 11. - С. 36-53. DOI: 10.12737/jrl.2021.134 EDN: NYUBBH
7. Останина Е. А. Волевая теория гражданской правосубъектности физического лица // Право. Журнал Высшей школы экономики. - 2026. - №. 2. - С. 59-80. DOI: 10.17323/2072-8166.2026.2.59.80 EDN: YSLKSS
8. Попондопуло В. Ф. Правосубъектность как общая предпосылка правообладания: дискуссионные вопросы // Журнал российского права. - 2025. - №29(3). - С. 67-78. DOI: 10.61205/jrp.2025.3.1 EDN: TGUAWX
9. Чеговадзе Л. А. Реализация гражданской правосубъектности в действиях, признаваемых сделками // Lex Russica. - 2023. - Т. 76. - №. 6 (199). - С. 9-21. DOI: 10.17803/1729-5920.2023.199.6.009-021 EDN: JPNXHV
10. Harun S. Policy implementation and regulatory challenges in managing civil service resources in the era of digital governance // Golden Ratio of Social Science and Education. - 2026. - Т. 6. - №. 1. - P. 01-17. DOI: 10.52970/grsse.v6i1.1893 EDN: OOLDRC

References

1. Alekseev G. V. *International legal principles and formats of interaction between states and non-governmental organizations in cyberspace* // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Series 11. Right.* — 2025. — No. 3. — Pp. 147–167. DOI: 10.55959/MSU0130-0113-11-66-3-9 EDN: SSIHPG
2. Astapenko P. N. *Comparative analysis of the legal regulation of artificial intelligence in Russia, China, the USA and the European Union* // *Law and Law.* - 2025. - No. 6. - Pp. 47-54. DOI: 10.24412/2073-3313-2025-6-47-54 EDN: CKLDFC
3. Bogdanova I. S. *Legal Model for Compensation (Indemnification) of Harm Caused by the State: Russian and Foreign Experience* // *Journal of Siberian Federal University. Humanities.* - 2022. - Vol. 15. - No. 12. - Pp. 1805-1818. DOI: 10.17516/1997-1370-0954 EDN: PTJCEQ
4. Glukhova A. S., Mosina E. R., Startseva S. V. *The concept and types of subjects of civil law* // *International Journal of Humanities and Natural Sciences.* - 2026. - No. 1-2 (112). - Pp. 87-92. DOI: 10.24412/2500-1000-2026-1-2-87-92 EDN: ADYZSL
5. Grezeva K. D. *The Problem of Determining the Legal Personality of Individuals in International Law* // *Science Today: Current Issues of Theory and Practice.* - 2025. - Pp. 56-63. EDN: RTOLQO
6. Emelyantsev V. P. *Digitalization of the economy and its impact on the renewal of civil law institutions* // *Journal of Russian Law.* - 2021. - Vol. 25. - No. 11. - Pp. 36-53. DOI: 10.12737/jrl.2021.134 EDN: NYUBBH
7. Ostina E. A. *The will theory of an individual's civil legal personality* // *Right. Journal of the Higher School of Economics.* - 2026. - No. 2. - Pp. 59-80. DOI: 10.17323/2072-8166.2026.2.59.80 EDN: YSLKSS
8. Popondopulo V. F. *Legal personality as a general prerequisite for the exercise of rights: debatable issues* // *Journal of Russian Law.* — 2025. — No. 29(3). — Pp. 67–78. DOI: 10.61205/jrp.2025.3.1 EDN: TGUAXW
9. Chehvadze L. A. *The realization of civil personality in actions recognized by transactions* // *Lex Russica.* - 2023. - T. 76. - №. 6 (199). - Pp. 9-21. DOI: 10.17803/1729-5920.2023.199.6.009-021 EDN: JPNXHV
10. Haroon C. *Policy implementation and regulatory problems of public service resource management in the era of digital governance* // *Golden Section of Social Sciences and Education.* - 2026. - Vol. 6. - No. 1. - Pp. 01–17. DOI: 10.52970/grsse.v6i1.1893 EDN: OOLDRC

Информация об авторе:

Белкин Семён Яковлевич, Аспирант, Российский государственный университет правосудия им. В.М.Лебедева, Belkin-semon@vandex.ru

Simeon Ya. Belkin, Graduate student, Russian State University of Justice named after V.M.Lebedev

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 09.07.2026;

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 19.08.2026;

Принята к публикации / Accepted for publication 20.08.2026.

Автором окончательный вариант рукописи одобрен.